

СМЕРШ —
спецназ Сталина

ЗАПАД В ОГНЕ

*Евгений
Сухов*

СМЕРШ – спецназ Сталина

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Запад в огне

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сухов Е. Е.

Запад в огне / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2018 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-094410-1

1944 год. На Западной Украине активно действует подконтрольная абверу группировка бандеровцев. Оголтелые националисты терроризируют мирное население, совершают рейды по тылам наступающей Красной армии. Для ликвидации банды в район Львова прибывает капитан СМЕРШ Тимофей Романцев. Он разрабатывает план захвата вожака оуновцев Остапа Гомулы, надеясь, что это положит конец кровавому беспределу. Но в последний момент выясняется, что Гомула – только исполнитель, а настоящий главарь безнаказанно ходит рядом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094410-1

© Сухов Е. Е., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Неожиданная командировка	10
Глава 2. Задачу понял!	14
Глава 3. Я не из болтливых	21
Глава 4. Зашифруй и немедленно отправляй	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Евгений Сухов

Запад в огне

© Сухов Е., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

Ставка Верховного главнокомандующего. 10 июля

Ровно в десять часов вечера маршал Конев прошел в приемную Сталина и, сдержанно поздоровавшись с Поскребышевым, сидевшим у дверей за своим столом, спросил:

– Верховный у себя?

– У себя... Идет оперативное совещание Ставки, – негромко сообщил Поскребышев. – Товарищ Сталин просил вас немного подождать.

Иван Степанович понимающе кивнул и присел на стул подле окна. За прошедшие две недели маршал трижды побывал у товарища Сталина в Ставке. Первые две встречи состоялись практически сразу после вступления Второго Украинского фронта на территорию Румынии. К сожалению, углубиться и развить дальнейшее наступление не удалось. Немцы смогли усилить группировку танковой дивизией «Великая Германия» и провести контратаку. Под контроль был взят на северо-востоке Румынии небольшой городок Тыргу-Фрумос. По данным военной разведки, в настоящее время немцы успешно укрепляли северо-западные и северо-восточные рубежи.

Последняя встреча с Верховным состоялась пять дней назад, на которой обсуждалась возможность дальнейшего наступления.

В этот раз причину вызова к Хозяину Поскребышев не сообщил, и маршал Конев не без основания полагал, что Верховный будет требовать более активных действий на фронте. У Ивана Степановича имелись серьезные контраргументы, сводившиеся к тому, что прорвать усиленную линию обороны в данный момент не представлялось возможным: армии были истощены, и требовалась основательная перегруппировка сил. Немцы в последние месяцы действовали весьма взвешенно, смекалисто, и Второму Украинскому фронту стоило немалого труда, чтобы избежать вероятного окружения. Ударить следовало там, где они меньше всего ждут, – на вспомогательных яском и кишиневском направлениях, что отвлечет их от главного удара по левому берегу реки Сирет на Бечешти.

В папке у Конева, лежавшей на коленях, имелся четко разработанный план перехода от вынужденной обороны к стратегической наступательной операции.

На доклад к Сталину следовало приходиться тщательно подготовленным, не упуская крошечных деталей. Мелочей для Верховного не существовало, он любил вникать в тонкости, требовал от каждого докладчика наиболее полной картины происходящего на последний час, ясности обстановки, точного ответа, а потому весь предыдущий день маршал Конев просидел с начальником штаба, подготавливая исчерпывающие записи.

Даже при самом скрупулезно выверенном докладе каким-то невероятным чутьем Сталин всегда находил наиболее слабые места, останавливался именно на них и требовал обстоятельного ответа. Обладая невероятно цепкой памятью, Иосиф Виссарионович помнил малейшие детали каждой военной операции, и спорить с ним было крайне затруднительно. Верховный принимал только разумные и четко обоснованные аргументы. Непроверенная информация не допускалась.

Открыв папку, маршал Конев почувствовал, что слегка взволнован. Перелистывал расчерченные страницы, освежал в памяти номера подразделений, расположение отдельных, даже малозначительных подразделений.

Телефон, стоявший на столе Поскребышева, прозвенел резко и назойливо, заставив маршала оторвать взгляд от разложенных бумаг. Подняв трубку, секретарь произнес лишь короткую фразу:

– Да, товарищ Сталин, – а потом, выслушав ответ, аккуратно положил трубку на рычаг. – Проходите, товарищ Конев, вас ждут.

Маршал молодцевато поднялся и, распахнув дверь, вошел в просторный кабинет Сталина. Комната светлая, аскетичная, безо всяких излишеств и вычурного декора. В ней было только самое необходимое, что нужно для полноценной работы. В качестве украшений – стены, обшитые мореным дубом, вносящие в кабинет разумный контраст с белоснежным потолком. За длинным столом, покрытым зеленым толстым сукном, по правую руку от Сталина расположился Молотов, рядом с ним сидели Буденный и Ворошилов, а по другую сторону – Жуков и Шапошников. Здесь же, едва ли не касаясь локтями, устроились Берия с Абакумовым.

Маршал Конев невольно обратил внимание, что теперь рядом с портретами Маркса, Энгельса и Ленина висели портреты Суворова и Кутузова. Генералиссимус выглядел молодцевато, а вот фельдмаршал Кутузов отчего-то получился усталым.

Стол Сталина, стоявший в глубине кабинета, был завален всевозможными документами, из-за которых проглядывала белая ручка аппарата закрытой системы телефонной связи. Сейчас хозяину кабинета до разложенных на его столе бумаг не было никакого дела, – внимание присутствующих занимала военная карта, разложенная на зеленом сукне. На самом углу стоял граненый стакан, откуда торчало с десятков острозаточенных карандашей, половина из которых были синими. Иосиф Виссарионович предпочитал их всем другим – любил делать пометки именно этим цветом. Маршал помнил все записи и все замечания, написанные размашистым, но разборчивым почерком. Как правило, они отличались лаконичностью, указывая на самую суть.

Вот беда, Иван Степанович никак не мог оторвать взгляда от карандашей, хотя понимал, что Хозяин предпочитает, чтобы во время разговора ему смотрели прямо в глаза. Не без внутреннего усилия маршал Конев перевел взгляд на Верховного и, перешагнув порог кабинета, бодро произнес:

– Разрешите, товарищ Сталин.

– Проходите, товарищ Конев, – кивнул Сталин и, указав на свободный стул, предложил: – Садитесь.

Когда маршал Конев сел, Иосиф Виссарионович заговорил вновь:

– Давайте перейдем сразу к делу... Как вы считаете, товарищ Конев, почему вам не удалось успешно развить наступление?

– Немцы сумели создать очень мощную эшелонированную оборонительную линию. В настоящее время работы тоже не прекращаются, немцы по ночам спешно возводят дополнительные инженерные укрепления, а в Яссы подтянули танки.

– Генерал пехоты Отто Велер, как никто другой, знает военное дело. Сколько именно подошло танков?

– Мне известно о шестидесяти танках. Двадцать танков «Пантера» и сорок танков «Тигр».

– Нам сообщили, что генерал-лейтенант Максимилиан фон Эдельсхайн дал на усиление генералу Велеру еще двадцать танков «Пантера», – дополнил ответ Иосиф Виссарионович.

Со Сталиным трудно было спорить: даже не в силу гигантской разницы между командующим фронтом и Верховным главнокомандующим, а потому, что он всегда получал информацию из различных, но самых проверенных источников. Всегда прекрасно представлял материал, о котором говорил докладчик. Никогда не терпел суеты, бывал точен в деталях. Поговаривали, что у Иосифа Виссарионовича имеется и собственная разведка, получавшая сведения куда более точные, чем донесения, исходившие от военных агентов.

Разумнее было бы согласиться.

– Возможно, так оно и есть, товарищ Сталин, я располагаю иными данными, – сдержанно ответил маршал Конев и добавил: – Но я еще уточню.

– Обязательно уточните. Оперативная обстановка на фронте меняется каждый час, и мы должны быть в курсе всего.

Маршалу Коневу показалось, что в этот раз грузинский акцент у Сталина прозвучал особенно явственно. Верховный главнокомандующий подошел к своему столу, раскрыл пачку «Герцеговина флор» и неторопливо стал набивать трубку табаком. В комнате установилось напряженное молчание. Иосиф Виссарионович не торопился продолжать разговор, казалось, он наслаждается тишиной, позабыв о присутствующих. Наконец Сталин запалил табак, рассеяв по комнате душистый ароматный запах, и подошел к столу, остановившись напротив маршала Конева.

– За последнее время вы себя успешно проявили, товарищ Конев. Ставка считает, что Уманско-Ботошанская операция – одна из самых успешных за последние месяцы, причем на всех фронтах. Кажется, за месяц боев войска под вашим командованием по распутице и бездорожью с жестокими боями прошли триста километров.

– Так точно, товарищ Сталин, – отозвался маршал Конев, собираясь подняться, но Иосиф Виссарионович небрежным жестом заставил его опуститься на место.

– Ставка решила поручить вам, как командующему Первым Украинским фронтом, новую задачу... Вам следует выйти на левый берег реки Вислы в районе города Сандомир и захватить там плацдарм, который позволит осуществить стратегическое наступление на правом фланге советско-германского фронта. Первый Украинский фронт в свою очередь будет готовиться к крупномасштабному наступлению на Западную Румынию. Сейчас Генеральный штаб занят детальной разработкой предстоящей операции. Она получила название Львовско-Сандомирская... Далее наша цель – освобождение Львова и всей Галиции. И Ставка очень надеется, что ваши действия будут столь же успешны, как и раньше. Но мы должны быть уверены, что нашим войскам никто не ударит в спину, а обстановка на Украине, судя по тем докладным запискам, что мне приносят едва ли не каждый день, очень непростая. Я правильно говорю, товарищ Абакумов?

– Так точно, товарищ Сталин! – мгновенно отозвался комиссар государственной безопасности. – Вот буквально сегодня мне доложили о том, что близ Поварска был застрелен Герой Советского Союза подполковник тридцать первой танковой бригады Герасимов. Кто-то, судя по всему, из местного населения, убил его ранним утром, когда он шел в расположение части. А в Немировке пропал без вести начальник отдела контрразведки семьдесят первой дивизии майор Севастьянов. Не проходит и дня, чтобы кого-то не убили из командного состава. Против военнослужащих Красной армии местными националистами проводится буквально террор! Мне офицеры рассказывают, что если им приходится квартироваться где-то в селах, то на ночь они кладут рядом с собой автоматы. Местному населению доверия нет, оно полностью контролируется бандеровцами.

– Вы не могли бы нам сейчас рассказать вкратце об обстановке, какая происходит на Украине? – попросил Сталин.

– В настоящее время на Украине действует сразу несколько повстанческих образований, враждебно настроенных к Советскому Союзу. В той или иной степени все они подконтрольны немецкому командованию и находятся под опекой «Абвера». Главные из них – это Украинская повстанческая армия, или УПА, и Организация украинских националистов, так называемых бандеровцев. Между УПА и ОУН не все в порядке, существуют как личные неприятели, так и разногласия политического характера. Идет усиленная борьба за власть. С осени прошлого года началась массовая принудительная мобилизация мужского населения в Украинскую повстанческую армию. Среди них немало хорошо обученных бойцов, имеющих боевой опыт с партизанами. В настоящее время ситуация на Украине значительно обостряется тем, что УПА полностью переходит под контроль украинских националистов.

– Это еще более непримиримый враг? – спросил Верховный главнокомандующий.

– Так точно, товарищ Сталин, многие из них прошли обучение в диверсионных и разведывательных школах «Абвера».

– Что же такое получается? Мы готовим важнейшую войсковую операцию по освобождению всей Украины, а у нас в тылу находится такой опаснейший враг! И этот враг всегда готов ударить в спину боевым частям. Кроме того, немцы совершенно не собираются сдаваться. Каждый отвоеванный метр земли полит русской кровью, и у нас имеются серьезные основания полагать, что немцы в самое ближайшее время предпримут значительные усилия для дестабилизации нашего тыла при помощи националистических украинских формирований, а затем попытаются перейти в наступление... Я правильно вас понял, товарищ Абакумов?

– Так точно, товарищ Сталин!

– Военной контрразведке «СМЕРШ» и Первому Украинскому фронту придется выработать совместное решение против украинских бандформирований. Даю вам три недели, чтобы обезопасить тылы Красной армии перед Львовско-Сандомирской операцией. Вы, товарищ Абакумов, оставайтесь, а остальные могут быть свободны.

Глава 1. Неожиданная командировка

Негромко постучавшись в дубовый массив, капитан Романцев шагнул в небольшой, но уютный кабинет начальника третьего отдела Государственного управления контрразведки полковника Утехина.

– Вызывали, товарищ полковник?

– Вызывал, проходи... Садись, – благожелательно произнес Георгий Валентинович, указав на стул, стоявший напротив.

Полковник Утехин на каждого производил благоприятное впечатление уже при первых минутах общения. Взгляд у него был открытый, смотрел на собеседника всегда прямо, глаза с легким прищуром. Его интеллигентные манеры и простота в общении подкупали и располагали к себе, чувствовался некий аристократизм, что свойственно потомственным интеллигентам Петербурга. И совершенно не случайно: Георгий Валентинович родился в семье потомственного военного врача. Возможно, он и сам бы продолжил династию, сделавшись успешным хирургом, как и его отец, но надежды родителей перечеркнула революция: в шестнадцать лет с частями особого назначения он отправился в Туркестан сражаться с басмачами. Далее Утехин работал уполномоченным экономического отдела полномочного представительства ОГПУ Ленинградского военного округа. В начале войны возглавил Особый отдел НКВД 23-й армии Ленинградского фронта. И вот уже полтора года руководил Третьим отделом ГУКР «СМЕРШ», занимавшимся борьбой с агентурой, забрасываемой в тыл Красной армии.

Тимофей Романцев присел на предложенный стул и внимательно посмотрел на полковника: все-таки не каждый день начальник отдела вызывает.

– Как тебе здесь у нас? – неожиданно спросил полковник. – Привыкаешь? Место новое, немного другая работа.

– Уже втянулся.

– Не трудно? Едва ли не самый последний со службы уходишь.

– Бойцам на передовой еще труднее.

– Хороший ответ... Все правильно, – согласился Георгий Валентинович, сразу как-то посуровев. – Конечно, наша служба отличается от той, что на линии фронта, здесь у нас не свистят пули над головой, не разрываются рядом снаряды, но наша работа тоже важна, хотя и не столь заметна. Главная наша задача заключается в том, чтобы как можно больше сберечь солдатских жизней.

– Я это понимаю, товарищ полковник.

– С продвижением наших войск на запад наша работа принимает несколько иные черты. Военной контрразведке приходится действовать на территориях, которые, мягко говоря, совершенно не приветствуют Советскую власть, поэтому зачастую наши тылы остаются незащищенными. А наша задача заключается в том, чтобы солдаты чувствовали себя увереннее и знали, что им никто не выстрелит в спину.

– Вы говорите о Румынии, товарищ полковник?

– О Румынии тоже... Но особенно острая ситуация складывается на Западной Украине. Эти территории буквально перед самой войной вошли в состав Советского Союза. Там и в прежние времена нашего брата не жаловали, а с началом войны украинские националисты стали выступать еще более активно. Мне тут сводки приносят каждый день, так у меня волосы на голове шевелятся от ужаса, что они вытворяют с местным населением... Сейчас наши войска освобождают от немцев Украину, но фашисты оставляют бандеровцам оружие, склады с боеприпасами, обмундированием... Все это очень осложнит нашу дальнейшую работу... Еще у бандеровцев отлично организовано подполье, кроме того, «Абвер» снабжает их поддельными документами, деньгами. Армейская контрразведка, конечно, не сидит сложа руки, это

надо признать, – веско заметил полковник Утехин, – но оперативный состав небольшой, и на каждого из офицеров приходится очень большая нагрузка. Часто не хватает опытных кадров. Нередко люди приходят в контрразведку сразу с передовой... С одной стороны, это, конечно же, неплохо, люди они смелые, боевые, но этого недостаточно, чтобы эффективно бороться с бандеровцами и прочими фашистскими недобитками. Нужен серьезный оперативный опыт. – Георгий Валентинович немного помолчал, потом уже несколько тише продолжил: – Ты как-то писал рапорт направить тебя во фронтовую контрразведку...

Стараясь не выдать накатившее вдруг волнение, Тимофей крепко стиснул пальцы в кулаки. Выглядеть равнодушным не получалось, в горле застыл непроглатываемый ком, и Романцев неожиданно для себя хрипло произнес:

– Так точно, товарищ полковник! Мой рапорт рассмотрен?

Полковник Утехин положил широкую сухую ладонь на пухлую папку, лежавшую на столе, и произнес:

– Рапорт лежит вот под этой обложкой... Не то чтобы рассмотрел, но скажу так, твои пожелания учел. Руководство решило направить тебя на Первый Украинский фронт в тринадцатую армию, начальником отдела контрразведки «СМЕРШ» семьдесят первой стрелковой дивизии. Штаб дивизии располагается недалеко от линии фронта, можно сказать, под самыми Бродами. До восемнадцатого года близ него проходила граница между Австро-Венгрией и Россией, а сейчас город под немцами... Без преувеличения можно сказать, что будешь работать на самой передовой.

– Очень на это надеюсь, товарищ полковник.

– Что у тебя с голосом-то? – усмехнулся Утехин. – Простыл, что ли?

– Самую малость, ничего страшного.

– Понимаю, случается. Ты бы поберег себя. А то, может, отлежишься дома пару деньков, глядишь, выздоровеешь и с другим настроением отправишься. Знаешь, у меня у самого грудину вот здесь что-то жмет, курю много! Нужно как-то завязывать с этим делом. Сделаем вот что, ты пока подлечись, а мы другого человека подберем. Не переживай, на твой век войны хватит!

– Со мной все в порядке, товарищ полковник, – едва ли не закричал Романцев, – просто как-то запершило. Такое иногда случается.

Утехин внимательно посмотрел на капитана:

– Ну, тогда ладно... Действуй!

– Спасибо, товарищ полковник!

– Ты вот что, благодарить меня совсем не нужно... Как говорится, не на именины тебя приглашаю, а отправляю на службу в армейскую военную контрразведку. Работа там будет серьезная, опасная, действовать придется в соприкосновении с очень подготовленным противником. А такой враг оплошности не прощает и наказывает очень строго. – Утехин немного помолчал, повертел в руках спичечный коробок, а потом, так и не открыв его, сунул в карман. – Три дня назад пропал без вести твой предшественник, начальник отдела контрразведки семьдесят первой дивизии майор Севастьянов, и у нас имеются все основания полагать, что его уже нет в живых. Так что ты едешь на его место, будь осторожен! Попробуй узнать, что с ним случилось... Это очень важно и для его семьи, и для нас.

– Узнаю, товарищ полковник.

– Надеюсь, ты не воспринимаешь свое назначение как понижение? А то, может быть...

– Товарищ полковник, да я только...

– Не следует перебивать старшего по званию, капитан, – мягко укорил Георгий Валентинович.

– Виноват, товарищ полковник!

– Хочу тебе сказать откровенно, в настоящее время в сложные прифронтовые районы мы направляем наиболее опытных и подготовленных сотрудников. И так по всем фронтам! Так что ты один из них... Недели через три-четыре отзовем тебя обратно. А теперь конкретно о твоей задаче. Нас интересует Остап Панкратович Гамула... Насколько нам известно, сейчас он контролирует значительную часть Львовской области. Ничего не решается без его ведома. Днем – наша власть, а уже ночью – его. Хотелось бы взять его живым... Чтобы допросить как следует и выяснить, в какие верха ведут нити бандеровского подполья. У нас, разумеется, есть кое-какие свои соображения по организации бандеровского подполья, но нужно знать об этом побольше. По нашей оперативной информации, Гамула лишь подставное лицо, в действительности областью руководит некто Юхим. Известно о нем крайне мало. Где он находится, тоже никто не знает. Неплохо бы добраться и до него. Так что работы у тебя будет много. Будь внимателен, ничего не упускай, твои рекомендации мы проанализируем самым тщательным образом и учтем в дальнейшей нашей работе. С бандеровским подпольем нам предстоит воевать дальше. – Немного помолчав, полковник добавил: – И что-то мне подсказывает, что это надолго.

– Товарищ полковник, у меня такой вопрос.

– Задавай, – охотно разрешил Утехин.

– А разве я туда не на постоянное место службы?

– Вот скажи мне, капитан, что ты все от нас вырваться хочешь? – укорил полковник. – Может, тебя кто-то обижает здесь на службе или работа не нравится?

– Да все мне нравится, товарищ полковник, просто на земле оно как-то привычнее.

– Возможно, – не стал спорить Утехин. – Но в твоём новом назначении у нас свой интерес. Все эти три недели ты будешь нашими глазами и ушами. Мы обязаны знать обо всем, что творится на передовой и на вражеской территории в том числе. Особенно важно для нас знать настроение населения, а оно там очень непростое... Я тут на днях своего приятеля летчика навещал в госпитале, сбили его над Белоруссией, буквально на границе с Украиной... А там уже местные партизаны его подобрали и отправили на лечение в Москву. Я ему уже сочувствовать начал, так, мол, и так, не переживай, война все-таки, подлечишься и вновь в строй вернешься, а он меня перебил и знаешь, что сказал?

– Даже не догадываюсь, товарищ полковник.

– Хорошо, говорит, что сбили не над Украиной! Тогда бы меня точно убили... Вот такие дела выходят. О том, что там творится, оказывается, известно далеко за пределами фронтовой полосы... И еще... В особенности нас интересует дивизия СС «Галиция», состоящая сплошь из ярких украинских националистов. Они ответственны за военные преступления над мирным населением, целыми деревнями людей сжигали... На их счету карательные экспедиции в Югославии, на юге Франции, на Украине, в Белоруссии. У командования самые серьезные намерения уничтожить эту дивизию под корень! Уж слишком много горя она принесла советским людям, оказавшимся на оккупированной территории... В твою задачу входит узнать, где именно располагается дивизия «Галичина». Бандеровцы будут уничтожены силами Красной армии. Ты понял свою задачу, капитан?

– Так точно, товарищ полковник!

– И никому ни слова о том, что тебе придется возвращаться в Главное управление. Так лучше для дела, и доверия к тебе тоже будет побольше.

– Могут возникнуть вопросы, почему меня из Москвы перевели в действующую армию.

– В нынешнее время чего только не встретишь, – отмахнулся полковник. – Но в твоих словах есть определенное основание... Можешь сказать, что проштрафился. Но не по служебной линии, конечно, могут не понять... Тут нужно действовать поделикатнее, скажешь, к примеру, что влюбил в себя дочку одного генерала, а он тебе не простил, вот и отправил поближе к передовой! В этом случае ты даже сочувствие получишь. А жалеть у нас любят!

– Я женат, товарищ полковник, – улыбнувшись, напомнил Романцев.

– Да помню, – широко улыбнулся Утехин. – Тем лучше... Так быстрее поверят! Будут считать тебя гусаром, в иной ситуации это тоже неплохо. И еще вот что... у тебя самые широкие полномочия, в случае необходимости можешь связываться напрямую с начальником отдела контрразведки «СМЕРШ» тринадцатой армии полковником Александровым. О тебе он предупрежден, я ему звонил лично... Передашь ему от меня привет, он мой старинный приятель. А сейчас иди и оформляй документы.

– Когда в дорогу?

– Завтра.

Глава 2. Задачу понял!

Расставание с женой получилось совсем не таким, как планировалось, присутствовала некоторая нервозность.

Зоя выглядела мрачной, была малоразговорчива. Все попытки Тимофея как-то расшевелить любимую женщину заканчивались тотальным провалом. Стараясь выглядеть бодрым, он сложил вещи в небольшой кожаный чемодан; взял бритву и помазок, купленные накануне Зоей, кусочек хозяйственного мыла и щелкнул замками.

– Все, милая, мне пора!

– Может, мне тебя проводить?

– Не нужно. Доберусь сам, здесь недалеко.

Уже остановившись у дверей, Зоя задала вопрос, который тревожил ее более всего:

– Ты надолго?

Обманывать ее не хотелось, но и держать в беспокойном ожидании тоже не подобало.

– Эта командировка... недели на четыре, но она может затянуться. Не знаю, как там пойдет дальше... Возможно, придется задержаться на два месяца, а может, на три... Я человек военный, куда отправили, туда и еду. Ты, главное, не переживай, все будет в порядке!

– Обещай писать мне почаще.

– Конечно, буду, – ответил Романцев, – ты же знаешь, насколько я люблю эпистолярный жанр.

– Я серьезно, а ты все шутишь.

– Я тоже серьезно.

Поставив на пол чемодан, Тимофей нежно притянул Зою к себе, почувствовав ладонями ее худенькие плечи, ощутил на губах горечь ее прощального поцелуя и заторопился за порог, скрипнувший под тяжелой поступью.

От крыльца отходил бодро, осознавая, что жена стоит у окна и смотрит ему вслед. Хотелось обернуться, приветливо махнуть рукой, но, опасаясь натолкнуться на застывшее побледневшее лицо любимой женщины, сумел перебороть желание и ускорил шаг. Так уж было заведено между ними, что до вокзала он добирается один, налегке, без груза переживаний, оставляя слезы расставания где-то в глубине квартиры.

До Червоноармейска¹, пункта назначения, как это нередко бывает во время войны, добирался на перекладных. Сначала был поезд до Киева, в котором он нашел даже местечко у окна среди молодого необстрелянного пополнения, отправлявшегося на фронт, а дальше летел на грузовом залатанном самолете вместе с несколькими командировочными, удобно разместившись между баулами с бельем.

Червоноармейск был освобожден еще четыре месяца назад, линия фронта продвинулась километров на пятнадцать под самые Броды, так что город можно было считать глубоким тылом. Его уже очистили от завалов, на дорогах было довольно оживленно, и по обе стороны от трасс, напоминанием о недавних сражениях, возвышались еще не восстановленные здания. Отдельные пробоины заделывали наспех побитыми почерневшими кирпичами, которые горами возвышались на пустырях, а потому едва ли не каждый отстроенный дом пестрил разноцветьем. Обходились пока без штукатурки (не до того!), но вот запах свежей краски присутствовал повсюду, и это обнадеживало.

Добравшись до отдела контрразведки армии, расположившегося в трехэтажном сером здании с приметной отметиной под самой крышей, – пробоина от снаряда была заделана крас-

---

¹ С 1918–1940 – Радзивиллув. (Здесь и далее прим. автора.)

ным обожженным кирпичом, – Тимофей Романцев козырнул бойцу, стоявшему у входа, и вошел внутрь. Следовало отметить о прибытии, а потом двигаться дальше в штаб семьдесят первой стрелковой дивизии.

Он отыскал канцелярию – всего-то небольшая комната с тремя столами, за одним из которых, покрытым затертой коричневой клеенкой, сидел немолодой майор с орденом Красного Знамени.

– Здравия желаю, товарищ майор... Разрешите? – Тимофей шагнул в комнату.

Майор посмотрел на вошедшего и произнес:

– Проходите, товарищ капитан, что у вас?

– Капитан Романцев... Мне бы встать на учет, – сказал он, протянув военный билет и предписание.

Майор внимательно прочитал предписание и поднял усталые глаза на Романцева:

– Здесь в выписке из приказа написано, что вы прибыли «для дальнейшего прохождения службы».

– Так точно, товарищ майор!

Майор вдумчиво пролистал военный билет.

– Из вашего послужного списка видно, что биография у вас самая что ни на есть боевая. И назначение в Москву вы получили вполне заслуженно... А обратно-то почему? Не поладили с начальством, что ли?

– Можно сказать и так... Как бы это поделикатнее выразиться... Адюльтер у меня случился с дочкой начальника.

В глазах майора сверкнуло любопытство. Сидеть за бумагами скучновато, а тут какая-то занимательная любовная драма, так чего же не послушать, но капитан хранил молчание.

– Вот как... Бывает, – не дождавшись продолжения, протянул майор.

– А потом мне в войсках как-то привычнее, – честно ответил Тимофей.

– Верю... На учет я вас поставил, – голос майора заметно потеплел. – Штаб семьдесят первой дивизии сейчас находится в Немировке, это буквально в нескольких километрах от Бровки. Вам нужно будет еще зайти к начальнику отдела контрразведки «СМЕРШ» тринадцатой армии полковнику Александрову, он предупредил меня о вашем прибытии.

– Где мне его найти?

– Его кабинет находится в конце коридора, комната номер восемь.

– Разрешите идти, товарищ майор?

– Идите.

Тимофей прошел в конец коридора, отыскал нужную дверь и негромко постучался.

– Разрешите, товарищ полковник! Капитан Романцев...

У самого окна за столом, перелистывая раскрытую папку с бумагами, сидел моложавый сухощавый полковник лет сорока. Внимательно посмотрев на вошедшего, он дружески спросил:

– Романцев?

– Так точно!

– Прибыл, значит. Располагайся... Как там Георгий Валентинович? – спросил Александров, когда Тимофей присел.

– Он передает вам привет, товарищ полковник, – с готовностью произнес Романцев.

Губы Александрова растянулись в благодушной улыбке. Стало понятно, что полковник умеет ценить дружбу.

– Спасибо... Общение с Георгием Валентиновичем для меня всегда большое удовольствие, нас судьба еще до войны свела, в Питере... – Он вдруг сразу сделался серьезным и продолжил: – А теперь давай о делах. Здесь у нас неспокойно. Хотя где сейчас спокойно? Вот вроде бы мы служим в глубоком тылу... Но только дня не проходит, чтобы бандеровцы какой-нибудь

сельсовет не уничтожили или какую-нибудь небольшую военную часть не обстреляли. Лютуют хуже зверей! Если узнают, что кто-то из крестьян симпатизирует Советской власти, заявляются в село и прилюдно устраивают над ними казнь... Всех запугали! Взять хотя бы место вашей будущей службы. Там полновластный хозяин – Гамула Остап. Жесткий, волевой, беспощадный! Для него без разницы, кто перед ним: женщина или старик, убивает всех! Никого не жалеет! Резня недавно на Воляни произошла, так этот Гамула был одним из главных ее инициаторов... У него какой-то особый счет к полякам и евреям.

– Чего добиваются бандеровцы? Откуда такая жестокость?

– Хм, откуда такая жестокость, спрашиваешь... Их лозунг: «Украина для украинцев!» – все остальные для них просто лишние. И еще им важно запугать местное население, чтобы оно не шло с советской властью ни на какой контакт.

– Кто он там, этот Гамула?

– Так называемый куренной атаман. Под его началом около трех тысяч стволов, считай, целый полк! В его распоряжении имеется целое артиллерийское подразделение. Это уже по-настоящему серьезная сила. Шастает со своими повстанцами по всей Львовской области, навевает страху, полютует – и снова в лесах прячется.

– Как же к нему подобраться?

– Непростая задача... Еще полгода назад мы к нему трех человек внедрили, казалось бы, все складывалось хорошо, несколько раз наши люди выходили на связь, а потом все трое пропали без вести... Что с ними случилось, до сих пор не известно. Даже не знаем, что матерям сообщить... Или вот недавний случай. Информация пришла, что Гамула должен появиться в селе Марчуки, ну, мы и отправили туда взвод. Остановились по соседству на хуторах, чтобы внимание к себе не привлекать, так он всех бойцов вырезал, а командиру отряда и хозяину, у которого он остановился, головы отрезал. Даже после смерти над трупами поиздевались... Думаем, что без предательства тут не обошлось. Этот хозяин связником нашим был. Конечно, там серьезно работает следственная группа, примем самые жесткие меры в отношении виновных, но разве людей вернешь?

– Как выглядит этот Гамула?

– Никто толком не знает, – пожал плечами полковник. – Известно только, что молодой. Недурен собой, во всяком случае, так бабы рассказывают. Известно, что ходит в немецкой эсэсовской форме с нашивками куренного. Предпочитает советскую офицерскую фуражку... По какой-то непонятной причине среди бандеровцев она особенно в моде. А вот на кокарде – трезубец! Надо же такое удумать, – хмыкнул он, – советскую кокарду под трезубец переделывать. Гамула враг беспощадный, лютый, и лучше к нему не попадаться, спасения не будет! Так что с ними нужно поступать так же жестоко, как и они с нами. Никакого снисхождения! Вот так-то... Считайте, что выслушали от меня небольшой инструктаж перед отправкой к месту службы. Вас, конечно же, в дивизии еще более обстоятельно проинструктируют, когда будут вводить в курс дела, но счел своим долгом предупредить, на какое место службы направляетесь. И скажу еще так, полковник Утехин прекрасно разбирается в людях, и на такое нештучное дело человека малодушного он бы никогда не отправил. – Прозвеневший телефонный звонок прервал разговор: – Полковник Александров... Ага, уже подъехала. Спасибо. – Полковник положил трубку и посмотрел на Тимофея: – Как раз сейчас в ваш район, на Немировку, едет машина, может захватить вас с собой.

– Был бы вам очень признателен, товарищ полковник!

– Пустяки... И еще раз хочу предупредить на прощание, вы едете служить в очень неспокойное место, никому не доверяйте. Утром он батрак и кланяется вам низенько, а вечером в спину стреляет. Несколько дней назад пропал ваш предшественник майор Севастьянов. Думаем, что его уже нет в живых. Попытайтесь узнать что-нибудь о нем.

– Задачу понял, товарищ полковник!

– Если возникнут какие-то вопросы, немедленно обращайся, я всегда на связи!

– Есть!

– Так что желаю успешной службы! – Пожатие у полковника Александра оказалось весьма крепким.

Водителем потрепанной полуторки был обстоятельный сержант лет тридцати пяти. Взгляд недоверчивый и внимательный одновременно. На выцветшей гимнастерке висела медаль «За отвагу» и прямоугольная нашивка за тяжелое ранение. Выглядел бодро, на первый взгляд никакого видимого увечья, и только когда ускорял шаг, становилось заметно, что он слегка припадает на правую ногу. Внешность его вызвала расположение: большой, сильный, неторопливый, а широкая грудь была просто создана для орденов.

– Вы водитель?

– Так точно!

– Мне сказали, что вы можете меня подбросить до места.

– Меня тоже предупредили. Куда именно направляетесь, товарищ капитан?

– Мне в Немировку, под Бровками.

– Знаю, – кивнул сержант. – Я как раз через Батьков еду, рядом с Немировкой. Только у самого села дорога танками разбита. Весной в ней даже самоходки вязли. А сейчас на этой жаре все засохло, и такие колдобины образовались, что на полуторке не проехать, разве только на трехтонке. Можно, конечно, и в объезд, но это все время... Ничего, если я вас в километре от Немировки оставлю? Машина-то у меня старая, вся гремит, может не выдержать такого насилия, – начал он неловко оправдываться. – Я уже четвертый грузовик поменял, но ни один из них такой развалюхой не был. Сейчас сплошную фанеру штампуют. Вот посмотрите, даже кабина из фанеры. Я, конечно, понимаю, все железо на танки и пушки ушло... Надо бить фрица! Только ведь в этой полуторке из металла один лишь двигатель. Если меня где-то крепко тряхнет на кочке, моя машина просто вся рассыплется на дощечки.

Капитан Романцев улыбнулся. Ему нравился этот основательный и неторопливый сержант. В чем-то обыкновенный. Но именно от таких обыкновенных солдат и зависит успех победы. Выносливые, аккуратные, все понимающие. Для них любое дело – важная работа, которую следует выполнить исправно, будь то поездка в соседнюю часть, чтобы привезти бойцам пару мешков картошки, или штыковая рубка у бруствера противника.

– Не переживай, я привычный. Уж километр как-нибудь пройду. К тому же пешие прогулки полезны для здоровья.

– Это смотря кому, – покачал головой сержант, явно не соглашаясь. – С год назад я через лес в штаб шел. Вот мину и зацепил, – указал он на покалеченную стопу. – Хорошо хоть живой остался, правда, ногу малость подкоротили.

– Так тебя же должны были комиссовать, – удивился Тимофей.

– Меня и комиссовали... – ответил сержант. – Домой вернулся, в Курскую область... А вместо избы – глубокая яма. Снарядом разнесло. Жена и двое ребятишек под обломками остались. – Говорил он спокойно, как делают это люди, пережившие давнее горе. Только ранняя седина, что обильно проступала в его густых темно-русых волосах, красноречиво свидетельствовала о том, что душа его крепко перепахана скорбью. Более ей не цвести. Не осталось на ней ни одного живого места. Там, где водилась благодать, лишь буераки с оврагами да крапива с чертополохом. – И вот... Думаю, что же мне делать-то... Неделю попил горькую, а потом опять попросился на фронт. Решил, что лучше уж от пули помереть, чем от водки. В строевую меня не взяли, оно и понятно, не в обиде... Но зато шоферить умею, хоть здесь как-то фронту буду полезен. А если доведется мне с каким-то гадом повстречаться, так я его зубами за горло возьму и не отпущу до тех самых пор, пока из него весь дух не выйдет.

– А тебе по какой надобности в Батьков?

– Триста сорок четвертый полк там стоит. Мука у них закончилась, вот везу, – указал сержант на кузов, из которого выглядывало несколько холщовых мешков с прилипшей на них соломой и с перевязанными горловинами. Дабы не разбросало груз на шальной дороге, они были небрежно прикрыты прохудившейся затертой рогожей и придавлены тяжелыми досками. – Только у нас еще один попугчик будет, почтальон. Потапом зовут... Не мог я ему отказать. Не легкое у него дело – похоронки-то по домам разносить, не каждый на такое пойдет. Он вообще наш человек! Помогает, как может. Вот недавно со своими приятелями концерт в госпитале провели, у всех такие голоса, что московским артистам не уступят. А запевала у них Потап, – не без гордости протянул сержант. – Не возражаете, товарищ капитан?

– Нисколько! Не на своем ведь горбу его везти. А куда он едет?

– Да в вашу сторону. Только он немного раньше сойдет. К свояку собрался, а там еще и письма кому-то передать нужно. А вот и он, – показал водитель на сухощавого высокого мужчину с кожаной черной сумкой на левом плече.

– Места-то еще остались? – улыбнулся подошедший мужчина.

– Кабину не обещаю, – сказал водитель, – капитан со мной едет, а вот кузов свободен.

– А мне все равно, главное, не на своих двоих, – весело заверил почтальон. – А то, бывает, так находишься по деревням, что без ног остаешься. – Он уверенно встал на колесо и легко перебросил гибкое пружинистое тело через деревянный борт.

– Ты там у меня за мукой присматривай, – шутливо наказал сержант.

– Не переживай, все будет в порядке! – рассмеялся почтальон.

– Ну что, товарищ капитан, поехали? – дружески, как старинному приятелю, предложил водитель и, распахнув дверцу, проворно забрался в кабину.

Тимофей устроился на пассажирском сиденье, где вместо кресла стоял небольшой табурет, обитый материей с ватой и привинченный металлическими уголками к дощатому полу. Машина явно не была рассчитана на долгие военные переходы, но в пределах города, с кратковременными выездами в сельскую местность, подходила вполне.

Полуторка затарахтела, затряслась и запыхтела по улице.

– Нам еще с полчаса по городу колесить, просто так не проехать, – пожаловался водитель. – Еще не все завалы разгребли, кое-где мины имеются, а вот дальше уже по грунтовке поедem. Там дело веселее пойдет!

Отчего-то город выглядел враждебно, хотя война ушла отсюда несколько месяцев назад. В нем присутствовал какой-то запах, сродни тому, которым Тимофей надыхался в сорок первом, то ли дух застоявшейся гари, то ли поднятой пыли. Проклятый запах, очень нехороший, напомнивший удручающее тяжелое отступление. Вот только сейчас ситуация была совершенно иной – шли на запад, а значит, настроение и ощущения должны быть совершенно другими.

Никто, конечно же, не обещал, что наступление будет выложено цветами, вокруг все та же смерть, тяжелые ранения, увечья, горе, но все-таки... всегда как-то хочется думать о лучшем.

По обочинам дороги еще оставались воронки от бомб, наполовину и наспех засыпанные кирпичом и гравием, а кое-где просто обломками разбитого жилища, стоящего по соседству. До основательного ремонта дорог просто не доходили руки, да и времени не было: движению не мешают, и ладно! Имеются дела куда более насущные.

Но машин было много, в основном такие же грузовики и трехтонки, в кузовах которых, задорно поглядывая на пылящую пехоту, катили пассажиры. В одном месте им даже пришлось подождать минут пятнадцать, пропуская бойко двигающуюся колонну танков.

Еще через полчаса душной дороги выехали на грунтовый простор, оставив позади подлатанные коробки кирпичных зданий. Впереди показалась небольшая березовая рощица с крепкими стволами и с поломанными кронами, изрядно и некрасиво прореженная разрывами снарядов. Сейчас роща больше напоминала подлесок, порубленный неумелыми лесорубами.

Небо понемногу хмурилось. Еще какую-то минуту назад ясное, до боли в глазах синее, оно вдруг посерело на горизонте и, будто бы на что-то разобидевшись, прикрылось мохнатыми тучами. Как-то враз заметно посвежело.

– Ливень будет, – всмотрелся в небо водитель, осторожно объезжая колдобины, нарытые тяжелой техникой. – Уже который день невыносимое пекло. А после дождя задышитесь легче.

– Возможно, что и польет, – согласился Тимофей, думая о своем.

– Хотя, помню, на прошлой неделе вот точно такая же история была, тучи кружили, кружили, – сержант был расположен к разговору, длинная дорога утомляла, – а потом вдруг как-то все разом рассосалось.

Угнетало, что расставание с женой получилось скорым, без прежней душевности, что ли. А ведь хотелось, взявшись за руки, поговорить о самом простом и о том, что он к ней чувствует.

Далее потянулся однообразный сельский пейзаж. Совсем мирный, добродушный: скошенные поля, с расставленными без всякого порядка копнами, почерневшие избы с огороженным хозяйством, белые мазанки с посеребрившими соломенными островерхими крышами. К домам тянулись узенькие натоптанные тропинки, упиравшиеся в низкие хлипкие плетни. Во дворах, иной раз поглядывая из-под ладони на проезжавшие машины, занимались хозяйством бабы. А вот мужиков не видать, разве только хворые, да старики, чинно сидевшие на лавках у самых плетней. От их прозорливых и внимательных взглядов не скрыться. Доброжелательно, как того требовал местный обычай, приветливо кивали каждой проезжавшей местной машине.

Вдруг по крыше кабины громко стукнули.

– Чуть не забыл... – воскликнул сержант. – Почтальон! Ему ведь сюда нужно.

Остановив машину, он подождал, когда тот спрыгнет с кузова.

– Не растрясло тебя там?

– Ничего, я привычный. Спасибо, браток.

– Тебе далеко еще топать-то?

– В это село, – махнул почтальон в сторону хат, растянувшихся вдоль дороги, – а потом еще в одно по соседству, с пяток верст будет. Письма бабам от фронтовиков везу... – Посмурнев, он добавил: – Хотя и похоронки тоже имеются. Вот все думаю, как отдать.

– Трудная у тебя работа.

– Кому-то тоже нужно ее делать. Ну, бывай! – Подправив на плече сползающую сумку, Потап зашагал к ближайшим хатам.

Машина тронулась, окатив подскочивших мальчуганов облаком дыма.

Далее тянулся небольшой спуск к неширокой, спокойно текущей по выступающим камням речушке, а там по мостку опять на косогор, к выстроившимся плотным рядком украинским хатам.

– Скоро подъедем, – объявил водитель, – мне вот по этой дороге ехать дальше в сторону леса, – показал он ладонью на лесную темно-зеленую полосу, запрятавшуюся в низине, – а вам, товарищ капитан, прямо. Но это недалеко, дальше будет поворот, а там уже и военная часть видна.

Понемногу вечерело. В сумерки запряталось широкое поле с высоко поднявшейся пшеницей, излуцина реки посерела и напоминала безлюдную ровную дорогу.

– Это хорошо, – охотно отозвался Тимофей, – а то я на этих ухабах весь лоб порасшибал.

– Рессоры ни к черту, – спокойно согласился сержант, – надо бы загнать механикам, но как-то все времени нет. То одно, то другое... А начальство мне новую машину не дает, вся техника наперечет! Ты, говорят, на ней до Берлина еще докатишь. – И, немного помолчав, добавил с затаенной грустью: – Дай-то бог.

Грузовик весело скатился с горки, поскрипывая плохо пригнанными дребезжащими деталями. Впереди – изрытая поперек – грунтовка на Немировку.

– Здесь окопы, что ли, были? – удивился Романцев.

– Все так, – пояснил водитель, – через них передовая проходила. Где-то засыпали, а где-то на потом оставили. Но моя «ласточка» точно через них не пройдет, – погладил он жесткой ладонью приборы. – Так что, если мне нужно в Немировку, так я другую дорогу выбираю. Она подлиннее будет, но зато поглаже!

Полуторка остановилась точно на развилке.

– Значит, мне сюда? – кивнул Тимофей на рытвину.

Местность ему не понравилась. Обычно именно на таких участках – лесистых да изрытых, там, где еще совсем недавно шли бои, остаются мины. Следовало проявлять бдительность.

– Так точно, товарищ капитан, – молодцевато произнес сержант. – Бывайте! Может, еще и свидимся.

– Бывай, – ответил Тимофей, хлопнул дверцу, бодро соскочил на землю и, подхватив чемодан, заторопился по просеке – утрамбованной и гладкой, с вдавленным в чернозем придорожным серым булыжником. Тимофей не протопал и трехсот метров, как вдруг со стороны дороги услышал глухой разрыв. Так могла бабахнуть только ручная зажигательная граната. Сокращая расстояние, он побежал обратно через лес. И уже подходя к дороге, увидел через частокол елей, густо разросшихся вдоль обочины, полыхающую полуторку, точнее то, что от нее осталось.

Неподалеку хлопнул выстрел, и пуля, обжигая жаром висок, хищно впилась в древесину. Сверху, с droгнувших веток, за воротник колюче посыпались сухие коричневые иглы. Пригнувшись, Тимофей выстрелил дважды на звук. Не попал: пули затерялись где-то в лесу. Увидел только метнувшийся силуэт, тотчас спрятавшийся за стволы сосен. Некоторое время он прислушивался к тому, что происходит: ни шума, ни шороха, лишь трескуче и злобно полыхал над машиной огонь, пожирая то последнее, что еще могло гореть.

Тимофей осторожно вышел из-за ствола, продолжая держать оружие наготове, и направился в сторону догорающей машины.

Сержант не лукавил, когда высказался, что большая часть машины собрана из древесины. Так оно и было в действительности, – автомобиль сгорел мгновенно, остались лишь металлическая рама кузова с колесами и окутанный дымом двигатель; на сиденье кабины через дым просматривался обугленный труп с лежавшими на руле руками. Одно дело, когда погибаешь над бруствером во время жестокого боя, чтобы бросить в наступающего врага гранату, и совсем другое, когда вот так, за много километров от передовой.

Обидно!

Бандеровцы организовали засаду, ждали удобного случая, чтобы подорвать проезжающую машину.

– Кто это сделал? – проскрежетал стиснутыми зубами капитан Романцев. – Кто?!

Повернувшись, посмотрел на притихший, как-то сразу насторожившийся лес, выглядевший в сгустившихся сумерках еще более враждебным, а потом зашагал в сторону Немировки.

Неожиданно Тимофей услышал звук приближающегося самолета, а еще через минуту рассмотрел военно-транспортный «Юнкерс Ю-52», делавший над чащей разворот. От фюзеляжа отделилось небольшое темное пятно, а еще через секунду раскрылся парашют, выглядевший на фоне серого неба темным размазанным пятном. Парашютист на какое-то время завис над лесом, словно раздумывал, куда следует полететь дальше, а затем, унесенный порывом ветра, спрятался за частокол торчавших вершин.

Диверсант! Нужно торопиться в часть! Вот и приехал на новое место...

Подхватив чемодан, Тимофей устремился через лес.

Глава 3. Я не из болтливых

Штаб дивизии Тимофей увидел сразу, едва вышел из леса, – размещался он в двухэтажном кирпичном особняке с низеньким мезонином без окон, наверняка некогда принадлежавшем какому-то зажиточному помещику. Над дверью трепыхался красный стяг, а у порога, явно скучая, расхаживал караульный, совсем молодой боец.

Станица Немировка оказалась довольно большим населенным пунктом и в сравнении с другими селениями, через которые он проезжал, выглядела побогаче. Вместо привычных мазанок в землю вращались крепкие сосновые могучие срубы. Стволы явно неместные, привезенные откуда-то издалека, таких толстых деревьев здесь не встретишь. Немало каменных домов, выстроенных с большой выдумкой.

Время близилось к вечеру. В станице было молчаливо и угрюмо. Тревожа тишину, где-то в самой глубине надоедливо брехала собака.

Тимофей подошел к красноармейцу, стоявшему в дверях, и, раскрыв удостоверение, представился:

– Я – новый начальник отдела дивизии контрразведки «СМЕРШ» капитан Романцев. Где дежурный офицер по дивизии?

Боец, взглянув на удостоверение, уважительно вытянулся и с готовностью ответил:

– В штабе, товарищ капитан, комната номер четыре. Третья дверь направо.

Отыскав нужный кабинет, Тимофей широко распахнул дверь. За столом сидел майор лет сорока с намечавшейся проплешиной на самой макушке и энергично разговаривал по телефону. Заметив капитана, произнес сдержанно в трубку:

– Хорошо... Я тебе попозже позвоню, – и аккуратно положил ее на рычаг.

На его лице проступило откровенное неудовольствие. Понять можно: суточное дежурство – не самый приятный отрезок службы. Наверняка принимал рапорты от дежурных по части, выслушивал всевозможные правонарушения, докладывал начальству о случившемся, возможно, получил нагоняй и вот, казалось бы, присел на стул, чтобы полюбезничать по телефону с хорошенькой связисткой, как вдруг в кабинет входит нагловатый незнакомый капитан.

Лицо майора все больше мрачнело.

– Вас не учили, товарищ капитан, стучаться в чужой кабинет? – голосом наставника проговорил он.

– Капитан Романцев, – козырнул Тимофей. – Ваш новый начальник отдела дивизии контрразведки «СМЕРШ».

– Мы вас ждали только завтра, товарищ капитан, – с некоторой долей растерянности произнес майор. И, как бы спохватившись, представился: – Дежурный по дивизии майор Колесов. Вы бы хоть позвонили, мы бы встретили, здесь у нас беспокойно.

– Решил не беспокоить. Добрался на попутной машине.

– Сейчас я доложу о вашем прибытии командиру дивизии полковнику Коваленко. А потом определим на постой, мы уже выбрали для вас подходящее жилье, небольшая хата с...

– Все это потом, товарищ майор, – нетерпеливо перебил Тимофей. – Когда я шел через лес, видел транспортный «Юнкерс», сбросивший парашютиста.

– Диверсант? К нам не поступало никаких сигналов, в лесу у нас находится несколько «секретов», ребята глазастые, на службе не первый год, если бы что-то...

– Вы докладов, что ли, от них ждете? А моих слов вам недостаточно? – усмехнулся Романцев.

– Нет, но... В каком квадрате вы видели диверсанта? – Вытащив из ящика карту, майор разложил ее на столе, широкой ладонью расправив неровности. – Вот село Немировка, вот это дорога на Броды. Вы шли по этой просеке...

– Немецкий транспортный самолет я видел вот над этим лесом, – всмотревшись в карту, сказал Тимофей. – Летел он отсюда... Был ветер, скорее всего, парашютиста отнесло вот в этот квадрат, – показал он на лесной массив, упиравшийся в реку. – Ага... Тридцать четвертый квадрат.

– У нас есть подразделение, занимающееся оперативно-боевыми задачами, подключим его.

– Сколько в нем бойцов?

– Двадцать три.

– Квадрат большой, очень лесистый, с пересеченной местностью, взвода и даже роты здесь будет недостаточно. Нужно поднять по тревоге полк! И пусть сразу выходят к тому месту, где я увидел диверсанта, а далее пускай прочесывают окрестность во всех направлениях. В дивизии есть полк, имеющий опыт в подобных делах?

– Имеется. Сто четвертый полк специального назначения, в прошлом месяце именно он трижды прочесывал восемнадцатый и тридцать первый квадраты, разыскивая базы бандероцев.

– Вот и отлично! Пригласите сюда командира полка и всех командиров батальонов и рот. Я поставлю задачу. И побыстрее! Времени у нас в обрез. Диверсант может покинуть этот район в любую минуту. Его вполне могли встретить где-нибудь в лесу и переправить на машине в более безопасное место. И тогда достать его нам будет значительно труднее.

– Весь командный состав расквартирован в селе, через несколько минут все будут здесь. – Майор поднял трубку: – Дежурный по дивизии майор Колесов... Давай ко мне командира сто четвертого запасного полка подполковника Немилова и всех командиров батальонов и рот. Немедленно! – Положив ее обратно на рычаг, сообщил: – Непокойный у нас район. Каждый день постреливают... И это в глубоком тылу. Организовали по району круглосуточное патрулирование, но это как-то мало помогает. Смотришь на сельчан, днем он – безобидный крестьянин, а ночью – отъявленный бандеродец! Сколько мы таких уже отловили.

– По поводу опасности района я предупрежден, – согласился Романцев. – И убедился в этом собственными глазами. Зажигательной гранатой уничтожили грузовик, на котором я сюда добирался. Водитель высадил меня на перекрестке, сам дальше поехал. А через несколько минут я взрыв услышал... Вернулся, чтобы посмотреть, что там произошло. Машина уже вся в огне, а в ней убитый водитель. Жаль парня...

– Как-то все это странно, товарищ капитан. Такое впечатление, что поджидали именно вас. Дорога тут одна, возможно, они не думали, что вы сойдете и пойдете напрямик через лес. Вы никому не говорили о своем назначении?

– Я не из болтливых. Организуйте следственную группу, пусть осмотрят местность, может, что-то выявят.

– Позвоню в военную прокуратуру.

– Со своей стороны, мы тоже посмотрим. И еще... Кто-то в меня стрелял. Кто именно, рассмотреть в лесу не удалось.

– Повезло вам, товарищ капитан. До вас начальником отдела майор Севастьянов был. Человек с характером, не простой, но оперативник был очень опытный. Сказал своему заместителю, что на полчаса выходит с агентом встретиться, и пропал! Пять дней уже нет. Думаем, что в живых его уже нет.

– А он, случайно, не сказал, что это был за агент?

– Как-то не принято у нас расспрашивать контрразведку, а в свои дела он никого не посвящал. Обмолвился только, что нащупал что-то серьезное, но конкретно никаких зацепок. Военная прокуратура выясняла все обстоятельства произошедшего, военная контрразведка разбиралась, только ничего не нашли. Был человек – и не стало, как в воду канул. Даже родственникам не знаем, что сообщить. Одно дело, если убили, тут понятно... Все причитающи-

еся льготы и пенсию родные получают, а тут как быть? Семье даже денежное довольствие не положено. Ладно, что-то растравило мне душу...

Через десять минут подошли офицеры полка. Серьезные, сосредоточенные. Понимали, что просто так по ночам не вызывают. На обычную проверку, какую порой любит устраивать прибывшее начальство, тоже не похоже, значит, произошло нечто серьезное. Перешагивая порог, они с некоторым удивлением посматривали на незнакомого капитана с эмблемой артиллера на петлицах, но никто ни о чем не спрашивал, понимали, что ситуация должна разъясниться в ближайшие минуты и она как-то связана с незнакомым артиллеристом.

Когда все расселись, дежурный по дивизии заговорил ровным голосом, показав на Тимофея, сидевшего рядом:

– Это наш новый начальник отдела контрразведки дивизии «СМЕРШ» капитан Романцев... А это – командир полка специального назначения подполковник Гурков.

Командир полка сдержанно кивнул. Романцев негромко ответил:

– Рад знакомству, товарищ подполковник.

– Не будем дальше разминаться на любезности, – несколько строже продолжал майор Колесов, – сейчас на это нет времени, познакомитесь по ходу службы. Об остальном капитан Романцев расскажет вам сам.

– Товарищи офицеры, – поднялся Тимофей, – в тридцать четвертом квадрате был замечен немецкий парашютист, задача вашего полка – произвести оцепление района, перекрыть все прилегающие дороги. Не исключаю и того, что диверсант уже переместился на соседнюю территорию. Следует установить контрольно-пропускные пункты на магистралях, в первую очередь на основных трассах. Организовать поисковые группы по пять человек, прочесать всю местность, установить «секреты» и посты наблюдения. Не исключаю, что диверсант движется в залесенных массивах, поэтому в деревнях Голошевка, Кумашова и Червил, прилегающих к тридцать четвертому квадрату, установить заслоны во всех местах выхода к дорогам. Тотальная проверка документов, без всяких исключений, невзирая на возраст и пол! Всех, кто будет без документов, задерживать до уточнения личности. Главное, не упустить того, кого мы ищем. По возможности подключить к поискам местное население, они лучше всего знают местность. Порасспросите у жителей, может, кто-то из них видел около своего поселка или деревни незнакомое лицо. Диверсантом может быть кто угодно. И последнее... Диверсанта нужно взять живым! Техники достаточно, чтобы развезти личный состав по всему району? – посмотрел он на командира полка.

– Вполне!

– В течение ближайших пятнадцати минут развезти личный состав по всем ключевым точкам. Вопросы имеются?

– Вопросов нет. Выполнять, товарищи офицеры! – распорядился командир полка, выждав должную паузу.

Присутствующие дружно поднялись, шаркнув стульями, и организованно вышли из кабинета.

– Товарищ подполковник, кто был заместителем майора Севастьянова? – спросил Романцев.

– Старший лейтенант Григоренко, – показал подполковник на плечистого белокурого парня лет двадцати двух, стоявшего у входа. – Думаю, вы тут сами без меня разберетесь, – и, кивнув на прощание, вышел за остальными.

– Вот что, Григоренко, я возглавлю одну из поисковых групп. Вы пойдете со мной, в дороге познакомимся обстоятельнее. У вас найдутся три опытных бойца?

Краснощекий старший лейтенант широко улыбнулся и с заметным южноукраинским говорком ответил:

- Найдем, товарищ капитан!
- Вот и отлично!

Глава 4. Зашифруй и немедленно отправляй

В должности начальника отдела по борьбе с бандитизмом и дезертирством города Черноармейска старший лейтенант Игнатенко пребывал уже полгода. Службу начинал под Воронежем простым оперативником. В сорок первом, сразу после образования отдела по борьбе с бандитизмом и дезертирством, им была выявлена строго законспирированная банда, которую возглавлял бывший доброволец Белой армии поручик Ковалев. Участники банды рассчитывали дожидаться приближения немцев и организовать восстание в тылу Красной армии, с целью быстрейшего продвижения немецких подразделений. Как выяснилось впоследствии, бывший поручик был завербован «Абвером» в Праге еще в тридцать восьмом году и прошел подготовку в учебных разведывательно-диверсионных центрах.

Для Игнатенко тогда было большим открытием, что не все стремились защищать родину, выявилось огромное количество уклонистов, которые прятались в лесах, в пустынных местах, неподалеку от собственных домов. Последние были особенно изобретательны. Один такой уклонист скрывался в подземном убежище в скотном сарае, укрытом бревнами в три наката, по которому спокойно разгуливал скот. Два старших брата дезертира прятались в колодце, куда в специальной бадье их опускал отец. На глубине шести метров была встроена небольшая дверца, искусно выполненная под стену, за ней находилось весьма просторное помещение, в котором можно было пребывать длительное время. Особо запомнился занятный случай, когда дезертир целый год жил на дереве в специально устроенном жилище.

Дезертиры и уклонисты попадали под уголовную статью, тем самым ставили себя вне закона, далее они вынуждены были переходить на нелегальное положение. Чтобы как-то пропитаться, сбивались в банды и терроризировали население.

Но то, с чем старший лейтенант Игнатенко столкнулся на Украине, было гораздо ужаснее...

Перед ним сидела девушка лет шестнадцати по имени Степанида и, размазывая по лицу слезы, рассказывала свою горькую историю. Старший лейтенант Игнатенко давал ей возможность выговориться, лишь изредка задавал вопросы и хмуро кивал. Всякий раз ему хотелось закурить, чтобы хоть как-то успокоиться, но, проявляя выдержку, чтобы невольно не прервать девушку, он еще дальше отодвигал пачку с папиросами.

– Это утром было... Я збиралася корову на пасовище вивести, а тут вдруг слышу, кто-то громко калиткой хлопнул. Глянула во двор, а там три человека с автоматами к крыльцу подходят. Я батько с мамкой окликнула, а чужаки уже в дверь громко стучаться... – На минуту девушка умолкла, утирая рукавом проступившие слезы, а потом продолжила: – Батька им открыл, а они спрашивают: «Горилка у тебя есть?» Батька говорит: «А як же, для дорогих гостей-то!» Налив им горилки, сала поризав, хлиба, а коли вони поели, старший сказав: «А теперь давай поговорим, за что ты так москалей привечаешь!» Батька стал отвечать, что никаких москалей не привечает, живет, как и все. А старший ему говорит: «А нам рассказывали, что у тебя на постое комиссар с тремя офицерами останавливался». Батька тут сказал: «Юхим, ну как же мне отказаться? Не мог же я их за дверь выставить».

– Юхим – это старший среди них? – уточнил Игнатенко.

– Да. Так они его называли... А этот Юхим говорит: «Ты должен был сообщить нам, а не сделал этого». Потом вони нас в лес повели, сказали, що розстріляють. А когда через овраг переходить стали, так батько вцепился в одного дядьку с автоматом и закричал: «Доча, беги!» Я и побигла, тильки чую – ззаду стріляють. А когда повернулась, увидела, что батько с мамкой на земле лежат.

– Они за тобой бежали?

– Да... Только я в яму спряталась. Они меня не видели и мимо побегли.

– Как выглядел этот старший?

– Йому лет сорок. Худой. Но сразу видно, що очень крепкий. Високий, выше мово батьки. Все время улыбался, вот тилько оттого еще страшнее ставало.

– Ты его раньше видела?

Девушка отрицательно закачала головой:

– Ни, не бачила, но батько его хорошо знал, это я сразу поняла. Он никогда ничего не боялся, а тут, когда ця людина прийшла, ему страшно стало.

– Обещаю тебе, Степанида, мы обязательно их найдем и накажем.

– Мени треба йти отсюда... Я б не хотила, щоб мене тут побачили.

– Не увидят, не переживай.

– До себе я не пиду, – затрясла головой Степанида, – мне страшно!

– И где ж ты будешь жить?

– К дядьке пойду. До молодшому братови батьки.

– Мы отвезем тебя, куда ты скажешь.

– Тильки ви мене пид лисом оставьте, а там я сама доберусь. А то мене бандеривци побачать, що я з вами.

– Где живет твой дядя? – Увидев в глазах девушки сомнение, Игнатенко заверил: – Ну, чего ты так заволновалась? Не будем мы тебя тревожить. Неужели ты думаешь, что мы не понимаем, какое сейчас время. Просто мы должны знать, где ты будешь находиться, чтобы помочь тебе, если потребуется...

– Село Резники.

– Когда ты хочешь идти?

– Сейчас.

– Дежурный! – громко позвал старший лейтенант и, когда на его окрик появился двадцатилетний рыжий сержант, распорядился: – Там грузовик стоит во дворе, отвезете девушку куда-нибудь поближе к селу Резники. Она скажет, где остановиться.

– Есть!

– И еще вот что, нужно сделать так, чтобы ее никто не видел.

– Сделаем, товарищ старший лейтенант, – с готовностью отозвался сержант. – Накроем чем-нибудь, никто и не увидит.

Попрощавшись, девушка ушла вместе с дежурным. Оставалось выкурить папиросу и подумать об услышанном. Смяв фильтр, Игнатенко сунул папиросу в уголок рта. Едва он поднес огонек к табаку, как зазвонил телефон. Сняв трубку, он произнес:

– Старший лейтенант Игнатенко.

– Это полковник Пономарев... Вот что, старший лейтенант, в семьдесят первую дивизию начальником отдела «СМЕРШ» прибывает капитан Романцев. Мне тут полковник Александров звонил из военной контрразведки, попросил помочь, будешь работать с ним в паре, ты – человек опытный.

– Какая задача, товарищ полковник?

– Не беги вперед телеги, старший лейтенант, он сам тебе все расскажет.

– Так точно!

– Человек он здесь новый, много чего не знает, а ты из этих мест и служишь в этом районе уже не первый день, так что введи его в курс дела. Постарайся увидеться с ним сегодня. Смотри там, не подведи меня. – И полковник, не прощаясь, повесил трубку.

Весь тридцать четвертый квадрат разбили на небольшие участки и, вытянувшись в цепь, поочередно прочесывали. Старались не пропускать ни метра, рыхлые и подозрительные места протыкали шупом. Нашли четыре землянки, оставшиеся после боев; наполовину присыпанные, с порушенной кровлей. В них обнаружили следы пребывания людей: клочки бумаги,

пара пустых, слегка проржавленных банок из-под тушенки. К диверсанту все это не имело никакого отношения, возможно, в землянках укрывались дезертиры.

Поисковые группы забирались в самые глухие дебри, в заросшие кустами расщелины, но не обнаружили ничего, кроме вязкой болотины и хорошо утопанных кабаньих троп. Задержали пятерых человек, не предоставивших документы. Двое утверждали, что работали в железнодорожной бригаде, ремонтировали расшатанные пути, еще двое возвращались со станции, а последний дежурил в котельной и шел со второй смены. Почему такой дорогой, через лес? Ответ был обстоятельный: «Потому что через лес дорога до дома короче и бояться некого, всю жизнь прожил здесь и знаю каждый ствол». На диверсантов они не походили, и оперативный опыт подсказывал капитану Романцеву, что поисковый отряд повстречал обычных рабочих, спешащих домой. Однако решено было задержать их до более тщательной проверки.

Как-то незаметно в утомительных поисках миновала ночь, издалека понемногу забрезжило. Однако ни парашютиста, ни следов его пребывания обнаружено не было. «Ведь не помешилось же мне, в самом деле, – мрачно думал Тимофей. – Был же самолет!»

Через час последующих поисков у самой дороги задержали еще одного человека в железнодорожной тужурке. Присев на обочину, он терпеливо дожидался попутного транспорта. Документы были при нем, только удостоверение путейщика было просрочено. Чертыхавшегося, грубо матерившегося втихомолку, но весьма покорного, понимавшего, что с властями не шутят, его, как и остальных пятерых, погрузили в крытый «студебекер» и повезли в дивизионный отдел «СМЕРШ» под присмотром двух автоматчиков.

Волнуются ребята зря, если невиновны, их тотчас отпустят; работа у них на железной дороге серьезная и важная, каждый из них имеет бронь, ежели отыщутся какие-то грешки, то разбирательство будет продолжено. Ведь жили на оккупированной территории и неизвестно еще, чем занимались при немцах.

Когда уже стало совсем светло, обнаружился парашют. Спрятан он был искусно, в прошлогодней медвежьей берлоге, ткань была прижата тяжелым камнем и присыпана комьями слежавшейся земли, сразу и не отыщешь. На едва торчавший из земли белесый лоскут шелковой материи обратил внимание один из разведчиков. После этой находки задышалось с некоторым облегчением, значит, поиски идут не зря.

На контрольно-пропускном пункте задержали еще несколько человек, двое из которых оказались дезертирами. Так что это уже кое-что, не зря всю ночь плутали... Если через полчаса не будет результатов, то зону поисков придется расширять до соседних квадратов.

– А если не найдем, товарищ капитан, тогда что? – озвучил его мысль старший лейтенант Григоренко.

– Ты мне тут пораженческие настроения брось! – то ли в шутку, то ли всерьез произнес капитан Романцев. Парень ему нравился. Оперативного опыта, правда, недостаточно, но сразу видно, что старается! Если есть желание учиться, значит, будут и результаты. – Мы его обязательно отыщем, не мог он далеко уйти! Дороги мы перекрыли быстро и очень надежно, он затаился где-то здесь. Может, даже наблюдает за нами откуда-то из-за своего укрытия и ждет, когда мы отсюда уйдем. – Тимофей раскрыл офицерский планшет, вытащил из него карту и стал ориентироваться на местности. – Ага! Сейчас мы идем по профилю «Д». Находимся как раз на границе нашего квадрата. А вдоль того лесочка, – махнул он в сторону небольшого молодого дубравника, растянувшегося в длинную неровную шеренгу, – прочесывает первый батальон. Значит, нам идти по этой тропе в сторону дороги. Там должны выставить КПП, вот заодно и спросим у бойцов, как обстоят у них дела.

Спрятав карту в планшет, Романцев зашагал по узкой тропе дальше. По обе стороны от него, выстроившись в неровную линию, шли бойцы. Двигались умело. Грамотно. Посматривали по сторонам, реагируя на каждый шорох. Чувствовалось, что за их плечами немалый боевой опыт. Именно такие люди в массе новичков являются цементирующим материалом.

Стволы автоматов слегка наклонены в землю, с расчетом вскинуть в следующую секунду и полоснуть очередь в опасность. Смотреть на них было приятно.

Неожиданно из дубравника, сильно припадая на левую ногу, вышел молодой светловолосый мужчина лет тридцати – тридцати пяти. На застиранной гимнастерке красовались две медали: одна «За оборону Сталинграда», а другая «За отвагу», особенно почитаемая в солдатской среде. Ее выдают за личное мужество, такими наградами не разбрасывались ни в начале войны, не разбрасываются и сейчас. Только когда мужчина вышел из густой высокой травы, стало понятно, что ниже колена у него культя, к которой кожаными ремнями пристегнут деревянный протез, обитый в самом основании жестью. Привычный к увечью, передвигался он бойко, высоко поднимая покалеченную ногу. Не сворачивая с тропы, направился в сторону приостановившихся бойцов.

– Доброго дня, братушки! – издали крикнул он озорно бойцам и уверенно заковылял дальше.

Тимофей обернулся в сторону удаляющегося инвалида, бойко шагавшего по тропе, заросшей по сторонам высоким папоротником. Увидел, как тот энергично поддел прутиком ромашку, чьи лепестки падающими пропеллерами затерялись в разросшемся подорожнике, и неожиданно приказал конопатому бойцу, шедшему рядом:

– Задержи его!

– Так инвалид же, – удивленно протянул красноармеец, но, натолкнувшись на жесткий взгляд Романцева, с готовностью произнес: – Есть, товарищ капитан!

– Товарищ, погодь! – виновато крикнул он, устремляясь за инвалидом, и совсем не по уставному добавил: – Спросить кое-что хочу.

Инвалид остановился и удивленно посмотрел на приближающегося бойца.

– Хлопец, ты мени?

– Тебе, тебе!

Безногий терпеливо подождал, когда красноармеец приблизится, и добродушно улыбнулся:

– В чому дело? Умаялся я малость, нужда, что ли, какая?

– Есть кое-что, спросить хотел, – сказал боец, посмотрев на подошедшего капитана Романцева.

– Куда направляетесь? – произнес Тимофей.

– До сестры, вона у меня на хутори живе, – повернулся инвалид к Романцеву.

– Соскучился, значит? – участливо спросил тот.

– Ха-ха! – рассмеялся безногий. – Скажешь тоже, соскучив. С ней, пожалуй, заскучаешь!

Попросила допомоги. Я ведь могу покосити и чего другого по-хозяйству сробить.

– А как же нога? Не трудно?

– А куды деваться? Приноровилси.

– А хутор-то далеко?

– Недалече, – отмахнулся безногий. – Киломитрив пять буде.

– А как же ты с такой ногой по лесу бегаешь?

– А привычный.

– Только я бы тебе посоветовал ногу-то беречь, – посочувствовал Романцев. – Она у тебя теперь одна.

– Намагаюся², щоб все в порядке було, – ответил инвалид.

– А идешь откуда?

– Из Березняков. Там у мени кум живе.

– А как добирался от него?

---

² Стараюсь (укр.).

- На попутке добирался.
- А документы у тебя при себе?
- А як же без них? Нынче все документы запитують.

Тимофей внимательно всматривался в лицо задержанного, пытаясь уловить хотя бы малейшие признаки беспокойства. Но тот выглядел безмятежным, ничего такого, что могло бы указывать на нервозность или озабоченность. Обыкновенный хуторянин, поломанный войной, каковых в нынешнее время набиралось немало.

Инвалид расстегнул накладной карман гимнастерки и вытащил военный билет. Романцев взял слегка потрепанный документ, внимательно его пролистал. Все требуемые печати присутствовали, каждая подпись разборчива, никаких помарок или потертостей. Имелись тайные знаки и все значимые отметки: принятие на учет, снятие с учета. Получалось, что задержанный был на войне с первых дней, таковых в живых оставалось немного. Значит, он из тех самых счастливицков.

- Ногу-то где оставил? – участливо спросил Тимофей.
- Под Сталинградом, – ткнул инвалид пальцем в медаль «За оборону Сталинграда».
- Трудно было?

Безногий, приготовившись к долгому разговору, достал из кармана галифе пачку папирос и произнес:

- А як же. Не без того. Хотите?
- Не нужно, спасибо.

Капитан закрыл военный билет и задал следующий вопрос:

- А медаль «За отвагу» там же получил?
- Там же, – пыхнул дымом задержанный. – Гришно говорити, но обменяв свою ногу на медальку. Вот тильки обмин вийшел неравноцинный.

Бойцы, собравшиеся вокруг, скучали, не понимая причин завязавшегося разговора. Чем таким мог заинтересовать капитана безобидный безногий. Время торопило, следовало двигаться дальше, искать запропастившегося диверсанта, а начальник отдела «СМЕРШ» вместо этого ведет странные пространственные расспросы.

Старший лейтенант Григоренко, сорвав тонкую травинку, накручивал ее на палец и явно скучал. Капитан покосился на заместителя... – а вот делать этого не следовало бы, контрразведчик не должен расслабляться даже тогда, когда опасность отсутствует.

- Значит, неравноценный обмен?
- А то!

Вдруг Тимофей сильным и резким ударом сбил безногого в высокую траву.

– Товарищ капитан, да вы что?! – невольно воскликнул стоявший рядом Григоренко. – Он же инвалид! – И шагнул к безногому, чтобы помочь ему подняться.

– Отставить! – грозно выкрикнул Тимофей. – Сволочь фашистская! Медаль ему не понравилась! Я свою первую медаль получил, когда с десятков таких гадов, как ты, выловил и к стенке поставил! – Безногий, вытаращив глаза, с ужасом наблюдал за склонившимся над ним капитаном. – Вот только медалька-то у тебя фальшивая, мразь! Я тебя, гада, здесь же пристрелю!

- Не треба так... – пытался отползти безногий. – За что?

Романцев вытащил пистолет и, разбивая диверсанту зубы, воткнул ствол ему в рот.

– За что, спрашиваешь?! Медаль-то из серебра должна быть, а не из латуни! Фашисты на такого гада, как ты, серебра пожалели! А вот мне на такую сволочь свинца не жалко будет! Кто тебя сюда забросил, фашисткий выкормыш?! Говори! Считаю до трех... Раз... Два...

- «Абвер», – сумел выдавить диверсант.

Тряхнув его за плечи, Тимофей жестко потребовал:

- Какое у тебя задание?

– Я должен связаться с группой куренного атамана Гамулы Остапа.

– Где находится этот атаман? Ты со мной в молчанку будешь играть? Я таких гадов, как ты, умею разговаривать. – Рукоятку пистолета Романцев ударил диверсанта в челюсть. Из рассеченной кожи на гимнастерку обильно закапала кровь. – Добавить?!

Сплюнув на траву окровавленную слюну вместе с обломками зубов, тот ответил:

– Не нужно, я все расскажу.

– Вот так оно будет лучше. Слушаю!

– Он находится на хуторе. Речка там небольшая протекает, Глинка называется.

– Далеко отсюда?

– В десяти верстах.

– Откуда такая точность?

– Так яж тутошний.

– Что ты ему хотел передать?

– Он со своим отрядом должен выдвигаться в Броды.

– С какой целью?

– Слышал, що там что-то серьезное зативается, там и дивизия «Галичина» вже стоять.

– Поднимите этого гада!

Бойцы подхватили безногого под руки и поставили перед капитаном. Тимофей вытащил из планшета карту и потребовал:

– Покажи, где искать Гамулу!

– Присесть хоть дайте, нога у меня разболелась. Кровоточить, поди.

– Ничего, потерпишь! С парашютом прыгал, не сдох ведь, и здесь тоже не помрешь!

– Сам не ведаю, как приземлился, думав, разобьюся.

– Лучше бы ты, гнида, и вторую ногу себе сломал. – Лицо диверсанта было бледным. –

Ладно, посадите его на пень, – разрешил Романцев. – А то еще околет раньше времени, а он нам живой нужен.

Диверсант опустился на поваленное дерево, с облегчением вздохнул и, вытянув вперед покалеченную ногу, стал массировать ее пальцами.

– Мне тебя поторопить? – сурово спросил капитан.

– Щас я! – Диверсант провел заскорузлым пальцем по разложенной карте, и пожелтевший от табака ноготь остановился подле небольшого оврага: – Вот здесь! Туточки хутерец небольшой, с пяток хат... Он здесь и остався.

– Сорок шестой квадрат, товарищ капитан, – подсказал стоявший рядом Григоренко.

– У кого он остановился?

– Там якись родичи живут, а кто именно, не ведаю.

– Когда ты с ним должен встретиться?

– Ближе до вечера.

– Значит, он там?

– А где ж ему быти?

– Твоя настоящая фамилия, имя?

– Городецкий Евдоким Сидорович.

– Кто же это тебя, инвалида, в советский тыл забросил? У немцев вся мразь, что ли, повывелась, теперь они безногих стали к нам забрасывать?

– Народу у них богато, – уныло ответил Городецкий, – тильки они ведь считают, что на инвалида никто внимания не обратит.

Расчет немцев был верен: кому в голову может прийти, что под личиной инвалида войны скрывается вражеский лазутчик? Возможно, Романцев и сам бы не обратил на него внимания, если бы не показное добродушие, с которым тот поглядывал на «смершевцев». Сработало чутье и оперативный опыт.

– А если бы ногу сломал?

– Были тренировки. Выходило... А же тильки раз на раз не доводится. Як би зломав, аже не знаю, что робив бы...

– Как стал служить немцам?

– Когда немец к Киеву попер, нас в ополчение призвали. Одно ружье на пять людей было... Немцы даже с нами воевать не стали. Лупанули пару раз над головой из танков, ну, мы и потекали. А когда через лес пошли до хаты, мой сосед на мину наступил. Его сразу в шмотки порвало, а мени вот ногу осколком посекло. До дороги едва добрался, а там добрые людины помогли. Нога нарывать стала, жар у меня был. Вот жинка перетягнула меня на телегу и в немецкий госпиталь отвезла. Ну, а там мне ногу видрубали. – Инвалид посмурнел. От прежнего добродушия не осталось и следа.

– Что было дальше? – спросил Тимофей, натолкнувшись на взгляд много повидавшего человека.

– Зробив протез. Без ноги какой я работник? Все одно, в хозяйстве от меня толку небогато. А тут в госпитале конюх знадобился. Ну, я и прибился. Платили грохи.

– Прибился, значит, говоришь... А как в немецкой разведке стал служить?

Городецкий глубоко выдохнул, демонстрируя тяжкое переживание.

– Коня я как-то запрягав, а тут ко мне немецкий офицер подходит и запитав: «Гроши хорошие заработать хочешь?» А как же? Кто же не хоче? Согласился. А он сказав, что я должен учиться в немецкой разведывательной школе. Ну, я и пишов.

– Где именно находится эта школа?

– В Польше, Кринице. В двадцати километрах от Кракова. Через неделю направили в проверочный лагерь в Кирхгайм, а затем в зонденлагерь в Кельцы.

– Сколько раз тебя забрасывали в советский тыл? – спросил Романцев, буквально прожигая лицо диверсанта строгим взглядом.

Возникла всего-то коротенькая заминка, сказавшая о многом. Губы диверсанта вновь разлепились в добродушную улыбку. Теперь перед ним вновь сидел добряк, желавший заработать гроши.

– Перший раз я, – убежденно произнес инвалид. – Хотел сразу здаватися, так вы меня перехватили.

– Первый раз, значит, – хмыкнул капитан. – Подняли эту безногую гадину и в машину! – распорядился он. – Я с ним позже погутарю, поосновательнее. Темнить он мне тут надумал.

– А ну, пошел! – подтолкнул прикладом замешкавшегося диверсанта веснушчатый боец.

– Ты уж меня не шибко торопи, – взмолился инвалид. – Ноги отсидел, все мурашками изошло, мне до вас не успети.

– Поразговаривай у меня еще!

Сопровождаемый двумя автоматчиками, диверсант-инвалид скрылся за деревьями, негромко охая. Некоторое время потрескивали под ногами сучья, а потом все звуки растворились в порывистом шуме леса.

– Радист здесь?

– Так точно, товарищ капитан, здесь! – мгновенно отозвался старший лейтенант и громко позвал бойца с модифицированной радиостанцией, подвешенной на спине. Хорошая вещь, надежная, телефонно-телеграфная с автоматическим питанием. Тимофей испытывал почти нежность к этой радиостанции, ее металлические радиоузлы спасли ему жизнь, когда он однажды переносил рацию: разорвавшаяся мина приняла на себя все осколки.

Подошел невысокого роста белобрысый боец с бесцветными, как у альбиноса, ресницами. Взгляд у него наивный и доверчивый, почти детский. Редко, но в боевых частях встречаются и такие хлопцы. Неожиданно широко, как старому знакомому, радист улыбнулся.

– Ты чего лыбишься-то? – беззлобно поинтересовался Романцев. Паренек был светлый, обижать такого грех. Но привыкать к таким солдатам тоже не нужно, в случае необходимости предстоит отправлять их на смерть.

– Настроение хорошее, товарищ капитан.

– Не на прогулку вышли, – напомнил Тимофей, – все-таки война идет, тут и убить могут. Белесые ресницы бойца озадаченно вспорхнули, после чего ясные глаза сделались еще шире, выпустив наружу исходивший из глубины зрачков свет.

– Не убьют, – убежденно обронил боец, – меня бабка заговорила. Она это умеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.